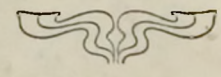
„Общими Силами“

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.



Октябрь 1915 г. № 4.

Ред.-Изд. В. А. Бѣляева.

„Общими Силами“

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

УЧЕНИЦЪ 1-Й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

№ 4-й. 1915 г.

Содержаніе: „Въ эти дни“, стих. *В.* „Въ одинъ лѣтній вечеръ“, разск. *Эленъ.* „Постепенный духовный ростъ русской женщины по романамъ Тургенева“, *В. Катагощиной.* „Осень ненастная“, стих. „Мысли о войнѣ съ наступленіемъ весны“, *Инкогнито.* „Каменный уголь, его образованіе и разработка“, статья *Т. В.* „Тяжело“, стих. *De-Mon.* „Письмо“, *В.* „Сестра милосердія“, стих. *Г.* Разск. *В. А.* „Рожд ественскій сонъ“, разск. *Карандашика.* „Монахиня“, стих. *Ольги.* Физико-математическій кружокъ. Хроника.

Въ эти дни.

Въ эти дни роковые проклятій и слезъ,
Мы живемъ, какъ въ томительномъ снѣ.

Скрылись свѣтлые призраки счастья и грезъ,
Всюду вѣсти звучатъ о войнѣ, о войнѣ.

Мы забыли покой, тишину и любовь....
Словно чьи-то жрецы на священномъ огнѣ

Безконечной рѣкой льютъ невинную кровь,—
Всюду жертвы войнѣ, ненасытной войнѣ.

Но несутся моленья уставшихъ сердецъ
Все сильнѣе и громче къ нѣмой вышинѣ,—

И мы вѣримъ! мы вѣримъ настанетъ конецъ
Небывалой, кровавой войнѣ.

В.

ВЪ ОДИНЪ ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

I.

Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть. Раскаленное іюньское солнце склонялось къ западу; послѣдніе лучи его отражались на стеклахъ оконъ и скользили по крышамъ домовъ. День былъ воскресный. На большой площадкѣ, примыкающей къ дому помѣщика, шла ожесточенная игра въ футболъ. Часто мячъ попадалъ въ спину, бокъ или голову не успѣвшаго увернуться игрока, и это событіе сопровождалось смѣхомъ и шутками. Лица пылали, разгоряченныя игрой; глаза пристально слѣдили за мячикомъ. Игра была въ самомъ разгарѣ.

„Стойте! Нельзя такъ; голъ не дѣйствителенъ! Санька руками задѣлъ мячикъ!“ кричалъ гимназистъ лѣтъ 10 съ блестящими глазами и задорнымъ видомъ. „Пендель бить!“ гудитъ чей то басъ. Всѣ сбѣгаются въ кучу около краснощекаго парня Саньки, который клянется и божится, что не задѣвалъ рукой мяча.

„Ты чего толкаешься, противный мальчишка!“ налетѣла на гимназистика пылавшая негодованіемъ его сестра. „А ты не лѣзь, сама то толкаешься,“ ничуть не смущаясь, отвѣчалъ тотъ.

„Не ври, Санька, не ври: я самъ видѣлъ, какъ ты мячикъ рукой отшалыгнулъ,“ урезонивалъ отпиравшагося Саньку блѣднолицый Коля. „Убирайся, пожалуста, онъ не трогалъ мячикъ рукой, врешь!“ кричалъ во всю братъ его, здоровый мальчуганъ, сторонникъ Саньки. Скача на одной ногѣ, вокругъ спорящихъ игроковъ сотоварищъ гимназиста, сосредоточенно глядя на землю, монотонно пѣлъ: „А Санька, значитъ, что футболъ рукой, значитъ, что задѣлъ“. Споръ между игроками утихъ только тогда, когда глава той партіи, гдѣ находился Санька, студентъ Костя, признаетъ Саньку виноватымъ: „Эхъ, дружище, ничего не подѣлаешъ, виноватъ, такъ и сознайся!“ сказалъ онъ, дружески хлопнувъ Саньку по плечу. И затѣмъ, давъ пинка все еще скачущему на одной ногѣ Алешкѣ, наставительно произнесъ: „Во-первыхъ, футболъ нельзя задѣть рукой, а можно задѣть только футбольный мячъ; а во-вторыхъ, убирайся съ дороги, будемъ пендель бить!“

Игра продолжалась.

„Пусти, пусти!“ въ изступленіи кричалъ расталкивая всѣхъ руками и наступая на робѣющаго Алешку, громоздкій Санька.

„Не пускайте мяча, Коля. Маня, бѣгите же!“ не менѣе изступленно, весь багровый кричалъ голкиперъ другой партіи. „Ты под....“ остальное осталось неизвѣстнымъ. Яростный игрокъ уже летѣлъ, болтая вверхъ ногами надъ кучей попавшаго по дорогѣ песка. Дружный хохотъ огласилъ площадку. И собака шедшей по дорогѣ бабы бросилась наутекъ отъ слишкомъ шумнаго общества.

II.

Но вругъ игра остановилась.

По дорогѣ, которая вела въ городъ П...., двигалась пестрая ватага крестьянъ и крестьянокъ, сопровождаемыхъ неизмѣнными ребятишками. Слышалось пѣніе. Издали эта поющая толпа казалась религіозной процессіей. Компанія молодежи сочла своимъ долгомъ узнать, въ чемъ дѣло. Имъ объяснили, что это проводы новобранца. Онъ былъ холостой, а потому его и провожала почти вся деревня. „Коли бы онъ женатый былъ, али кто изъ родныхъ имѣлся, такъ родные бы его и провожали, да вотъ у сердешнаго никого нѣтути, то и провожаемъ его, сиротинушку,“ пояснилъ, вздыхая, старый крестьянинъ любопытной молодежи.

Толпа выстроилась полукругомъ, въ центрѣ котораго стоялъ новобранецъ. Это былъ молодой, еще безусый парень съ круглымъ опухшимъ отъ пьянства лицомъ, маленькими заплывшими глазами, съ толстыми губами и съ широкимъ носомъ-картошкой. Онъ былъ и въ настоящую минуту пьянъ. Водки нѣтъ, и въ деревнѣ достать ее невозможно. Но мужикъ находитъ новое средство запить свое горе и какимъ то образомъ опивается бражкой, дрожжами да кумысомъ, который въ той мѣстности готовили киргизы.

Новобранецъ стоялъ подбоченясь, ожидая начала музыки. Заиграла гармоника, и веселые залихватскіе звуки камаринскаго огласили воздухъ.

Всхлипыванья бабъ, поминавшихъ имена своихъ сыновей, ушедшихъ на войну, смѣшивались съ этими звуками. А молодой новобранецъ танцевалъ безъ отдыха съ каждой изъ дѣвушекъ, которыя были здѣсь. Возгласы одобренія слышались вокругъ него. Онъ выкидывалъ смѣшныя незамысловатыя фигуры, глаза его, устремленные на многолюдную публику, которую онъ потѣшалъ, выражали не то равнодушіе не то какое-то отупѣніе, но казалось, что мысли его были не здѣсь, не въ этой толпѣ,

а въ томъ близкомъ неизвѣстномъ будущемъ, котораго онъ теперь ждалъ.

Началось прощаніе. Всѣ подходили къ нему по очереди; нѣкоторыя изъ бабъ давали ему письма и порученія для передачи своимъ роднымъ. Послѣдней подошла его невѣста. „Отслужи по мнѣ панихиду, Марфуша!“ сказалъ онъ ей съ горькой, искривившей его губы усмѣшкой. Плачъ бабъ, ихъ причитанія, вмѣстѣ съ тѣмъ крики ребятишекъ и нестройные звуки гармоники, весь этотъ гвалтъ и шумъ, растерянное выраженіе лица у виновника происшествія и слезы, остановившіяся у него на глазахъ, все это сильно дѣйствовало на нервы молодыхъ удивленно смотрѣвшихъ зрителей. „Прощайте, братцы, не свидимся больше!“ сказалъ нетвердымъ, глухимъ голосомъ новобранецъ и по русскому обычаю, поклонился всему міру въ ноги. Онъ сѣлъ въ повозку, запряженную парой тощихъ лошадей, и подъ громкое, нестройное „ура!“ повозка тронулась. Толпа съ пѣснями двинулась обратно въ деревню.

Съ подавленнымъ настроеніемъ шла молодежь домой. Всѣ молчали. Никому не хотѣлось говорить. Образъ молодого новобранца, съ трагическимъ выраженіемъ лица, стоялъ передъ ихъ глазами.

У каждаго появилось желаніе, чѣмъ-нибудь помочь въ этой войнѣ, пожертвовать что-нибудь отъ себя на нее. Добрыя, хорошія желанія слагались въ умѣ. И эта жизнь беззаботная, веселая, полная удовольствій и наслажденій, эта жизнь, которою они жили до сихъ поръ, казалась имъ ничтожной и мелкой, и казалось, что они не только не должны, но что они и не могутъ продолжать жить ею. Хотѣлось сейчасъ же помочь, сейчасъ же начать трудиться...

А на другой день снова на площадкѣ были слышны шутки и крики; раздавался звонкій смѣхъ; снова были видны веселыя, поглощенныя игрой лица играющихъ; и высоко взлеталъ надъ головами мячикъ.

Эленъ.

Постепенный духовный ростъ русской женщины по романамъ Тургенева.

Положеніе русской женщины было постоянно особенно тяжелымъ. Ея жизнь при лучшихъ обстоятельствахъ являлась не выше жизни въ гаремѣ, сытой и безмятежной, или жизни птицы въ клѣткѣ, ограниченной и зависимой. Отношеніе женщины къ дѣйствительности, ея интересы къ міру общественному были крайне слабы. Женщина должна была быть только женой, хозяйкой и матерью. Для женщины требовали особой системы воспитанія и были увѣрены, что женщина создана только для семьи, не заботились о должномъ развитіи ея ума, смотрѣли на ея образовеніе, какъ на извѣстнаго рода полировку. Трудно было женщинѣ завоевать себѣ болѣе нормальное положеніе въ жизни. Не у многихъ хватаетъ силъ бороться съ семейными традиціями, съ великосвѣтскими предразсудками или съ мѣщанской рутиной, „Въ природѣ женщины“, говоритъ Писаревъ, „нѣтъ ничего такого, что отстраняло бы женщину отъ дѣятельнаго участія въ рѣшеніи насущныхъ задачъ нашего времени; но въ воспитаніи женщины, въ ея общественномъ положеніи, — словомъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя составляютъ искусственную сторону ея теперешней жизни, въ этихъ условіяхъ, говорю я, есть очень много препятствій, которыя въ настоящее время преодолѣ-

ваются только самыми умными женщинами при содѣйствіи исключительно счастливыхъ обстоятельствъ. Въ исторіи нашей общественной жизни женщина играла роль незначительную и, во всякомъ случаѣ, малосамостоятельную. Были отдѣльныя личности, дѣятельныя и энергичныя,-онѣ только исключенія. Въ литературѣ мы видимъ типъ женщинъ, протестующихъ, рвущихся на подвигъ и службу обществу, типы уже готовыхъ дѣйствовать, но нуждающихся въ опорѣ, въ авторитетѣ, наконецъ, типы послѣдовавшихъ за найденнымъ авторитетомъ. „Еще въ евангельскомъ разсказѣ о посѣщеніи Христа, Марѳы и Маріи", говоритъ Александровскій „впервые намѣчены два основныхъ женскихъ типа, повторяющихся съ различными видоизмѣненіями отъ тѣхъ или иныхъ формъ государственной и семейной жизни. Одинъ изъ нихъ—евангельская Марѳа, существо въ большей или меньшей степени удовлетворенное тѣмъ, что дала ей судьба, и стремящееся создать свое счастіе путемъ приспособленія къ установившимся формамъ жизни, признаваемымъ чѣмъ-то незыблемымъ. Совсѣмъ иной представляется Марія. Она чужда окружающей ее жизни и людей, съ которыми у ней нѣтъ ничего или очень мало общаго,—она рвется къ инымъ лучшимъ, какъ ей кажется, условіямъ существованія. Нужды нѣтъ, что порою она не знаетъ, въ чемъ это лучшее, и гдѣ искать его; она все же не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что вокругъ нея, и жадно стремится къ тому, что, по ея мнѣнію, можетъ наполнить ея внутренній міръ. Первый типъ можно назвать „консервативнымъ",ибо онъ не содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію жизни; второй наоборотъ—„прогрессивный"... Это существа—„изыскающія града", стремящіяся выйти изъ заколдованнаго круга мертвящихъ традицій, мечтающія о новой жизни. Насколько обыденны, заурядны, порою пошлы женщины перваго типа, настолько привлекаютъ къ себѣ вниманіе Маріи, ибо у нихъ всегда идетъ напряженная работа ума, чувства и воли; ихъ внутренній міръ отличается большими богатствами и разнообразіемъ. Неудивительно потому, что наши писатели, какъ всѣ, впрочемъ, другіе, съ особенной любовью останавливались на изображеніи женскихъ типовъ, могущихъ быть отнесенными къ разряду „прогрессивныхъ". Наиболѣе видными представительницами этого типа русскихъ женщинъ у Тургенева служатъ Наташа („Рудинъ"), Лиза („Дворянское гнѣздо")Елена („Накапунѣ") и Маріанна („Новь"). Тургеневъ глубоко вѣритъ въ неиспорченность русскихъ женщинъ и съ любовью прослѣдилъ постепенный духовный ростъ русской женщины. Если мы въ основу нашей характеристики двухъ евангельскихъ женщинъ Марѳы и Маріи, то большинство Тургеневскихъ женщинъ причислимъ къ типу Маріи. Но этотъ типъ можно раздѣлить на два разряда, а именно: женщины, ищущія авторитета, который могъ бы указать имъ идеалъ. Эти женщины слѣпо вѣрили различнымъ проповѣдникамъ идеаловъ, но какъ скоро разочаровались въ нихъ, такъ не знали, какъ имъ поступать. Другой разрядъ—женщины дѣятельныя, отдающіяся всей душой той идеѣ, которая овладѣваетъ ими. Начнемъ съ характеристики женщинъ перваго типа. Прежде всего придется поговорить о Лизѣ Калитиной и Наташѣ Ласунской.

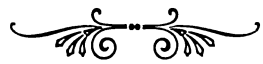
Лиза Калитина воспитывалась такъже, какъ воспитывались всѣ дворяне того времени. Отецъ и мать мало обращали вниманія на дочь, а поручили ея воспитаніе сначала нянѣ Агафьѣ Власьевнѣ, а потомъ гувернанткѣ Моро. Послѣдняя не оказала никакого вліянія на Лизу. Няня же имѣла на Лизу громадное вліяніе. Агафья была очень религіозна. Она старалась Лизѣ передать свою религіозность. Бывало Агафья сидѣла и работала, а у ногъ ея сидѣла Лиза и слушала, что разсказывала ей няня, а та разсказывала житіе святыхъ, житіе Пречистой Дѣвы, она разсказывала, какъ святые жили, переносили различныя мученія и гоненія и Христа исповѣдывали. Она разсказывала, какъ святыхъ мучили, и на тѣхъ мѣстахъ, на которыя падали капли крови выростали цвѣты. Лиза слушала Агафью „и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ,

знакомымъ, чуть не роднымъ". Агафья выучила Лизу молиться. Няня иногда будила ее рано утромъ и вела къ заутренѣ, и Лиза всей душей полюбила молитву. Вскорѣ Агафья повздорила съ Марѳой Тимофеевной и ушла, но слѣды ея вліянія остались въ Лизѣ: „по-прежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ". Религіозность составляетъ отличительную черту характера Лизы и этой религіозностью опредѣляется все ея поведеніе. „Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, Лиза любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно". Чувство Лизы было очень прочно: ее никогда не волновали сомнѣнія. Встрѣтясь съ невѣрующимъ Лаврецкимъ, она не можетъ понять его невѣрія и старается внушить ему то же чувство, которое наполняетъ ея душу, но она сама не можетъ отдать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Когда Лаврецкій заговорилъ о значеніи христіанства, Лиза сказала ему темную фразу: „христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть". Эта фраза свидѣтельствуетъ о малой сознательности чувства, и другія фразы свидѣтельствуютъ о томъ-же. Лиза говоритъ: „счастье отъ Бога", „надо покориться", „зачѣмъ оскорблять", „надо простить". Лизой было прочно усвоено, что все въ волѣ Божіей; исканіе счастья грѣховно, такъ какъ счастье не отъ насъ зависитъ, грѣхъ долженъ быть искупленъ молитвою и монашескимъ подвигомъ. При такихъ возраженіяхъ Лиза не могла ничего сдѣлать послѣ пріѣзда Варвары Павловны, какъ пойти въ монастырь, такъ какъ она думала, что совершила великій грѣхъ, полюбивъ женатаго человѣка, и этотъ грѣхъ нужно было замолить, а также и другіе грѣхи, въ томъ числѣ отцовскіе. Примириться съ жизнью и съ ея ложью чистая душа Лизы не могла. Бороться съ жизнью она тоже не могла, такъ какъ въ ней не было зла, безъ котораго борьба не возможна. И Лиза оставила жизнь и пошла въ монастырь спасаться. Въ этомъ сказалась ея сильная воля. Въ лицѣ Лизы мы видимъ переходную ступень русской женщины, относящейся ко всему безразлично, къ женщинамъ болѣе дѣятельнымъ. Еще не совсѣмъ, но уже болѣе дѣятельную женщину. Тургеневъ далъ намъ въ образѣ Наташи Ласунской въ романѣ „Рудинъ." Наташа искала авторитета и нашла наконецъ. Но ея авторитетъ оставляетъ ее въ тотъ моментъ, когда она уже готова была „честная, страстная и горячая натура". Когда она сказала Рудину: „Повѣрьте, женщина не только способна понять самоповерженіе: она сама умѣетъ пожертвовать собой", то она прежде всего сказала о себѣ. Полюбивъ Рудина, Наташа объявила матери, что „скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ за другого". Отъ природы мечтательная Наташа часто о чемъ то задумывалась, къ чему-то присматривалась, словно чего-то ожидала. „Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально,—точно она себѣ во всѣмъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей". На семнадцатомъ году она нашла тотъ авторитетъ, который искала. Это былъ Рудинъ. Они вмѣстѣ гуляли, говорили и читали. „Не какъ дѣвочка, болтала Наташа съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе; она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія: онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла... Но молодая головка не долго кипѣла одна"... Она слѣдила за мыслями: „Невѣдомыя, прекрасныя раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потресенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга"... Наташа вѣрила Рудину и сказала ему: „Вы—мужчина: я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ". Она пошла бы за Рудинымъ, она

уже прощалась со всѣмъ прошлымъ, какъ человѣкъ которому она вѣрила, сказалъ, что надо „покориться“. Наташа поняла, что Рудинъ струсилъ въ рѣшительный моментъ, „святая искра восторга“ въ ней потухла, и она примирилась. Лежневъ сказалъ, что „слова Рудина останутся словами и никогда не станутъ поступками—а между тѣмъ, эти слова могутъ смутить и погубить молодое сердце“. Наташа Ласунская болѣе рѣшительна, чѣмъ Лиза, но ошибясь въ своемъ авторитетѣ, Наташа растерялась и не знала, что ей дѣлать, слѣдовательно и она, несмотря на увлеченіе словами Рудина не имѣла достаточно сильной воли для того, чтобы самостоятольно итти по тому пути, который ей чудился въ словахъ Рудина. Теперь перейдемъ къ женщинамъ, которыя, послѣ того, какъ онѣ получили какія нибудь указанія, могли работать самостоятельно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Катагощина.



Осень ненастная, осень холодная,
Думы наводишь унылыя ты,
Словно какъ мачеха доля суровая,
Всѣ разбиваешь мечты.

Хочется плакать подъ звуки печальные,
Хочется дальше уйти,
Чтобы не слышать тѣ пѣсни прощальныя,
Что навѣваютъ осенніе дни.

Всѣ ужъ повяли листочки зеленые,
Всѣ ужъ поблекли цвѣты,
Только рябины лишь гроздья пурпурныя
Кое-гдѣ украшаютъ кусты.

Ночи длиннѣй и темнѣй все становятся,
Дождикъ по крышамъ шумитъ.
Скучное время теперь приближается,
Вѣтеръ холодный гудитъ.

Мысли о войнѣ съ наступленіемъ весны.

Вернулась къ намъ золотая весна, вернулись птички изъ теплыхъ странъ, вернулось лучезарное солнце, только обычныя радость и счастіе съ обновленіемъ природы не вернулись къ намъ. Все такъ же чудно поетъ соловей, такъ же сіяютъ, согрѣвая землю, лучи животворящаго солнца, такъ же радостно привѣтливо шумитъ лѣсъ, качая остроконечными верхушками стройныхъ темно-зеленыхъ елей, но тяжело грустно на душѣ у людей, не радуетъ ихъ весна, которую съ такимъ нетерпѣніемъ ждали они раньше, не ласкаетъ, не манитъ взоръ ихъ прелестный

цвѣточный коверъ, широко и вольно раскинувшійся вокругъ, не веселитъ ихъ и звонкій чарующій голосокъ милыхъ птичекъ, не радуетъ ихъ это возрожденіе природы—эта полная гармоніи и дѣятельной энергіи жизнь послѣ зимней спячки. Война!... вотъ что гнететъ и давитъ наболѣвшее сердце, вотъ что тяжелымъ камнемъ лежитъ на истерзанной душѣ, и сквозь тихія нѣжныя, полныя умиротворяющей красоты краски весны, видятся людямъ залитыя кровью поля, а на этихъ поляхъ груды обезображенныхъ труповъ, надъ которыми кружатся стаи хищныхъ вороновъ.

И встаютъ передъ взоромъ людей длинныя вереницы ихъ братьевъ, обреченныхъ въ жертву войнѣ, можетъ, на ужасную смерть далеко далеко отъ родины; они ясно видятъ ихъ окровавленныя страдальческія лица,полныя невыносимой нечеловѣческой боли и муки, но гордыя сознаніемъ, что они умираютъ за Царя и за свою любимую родину—за великую Русь. Но это сознаніе, этотъ идеалъ, поддерживающій солдата въ мучительныхъ непосильныхъ страданіяхъ могутъ понять не всѣ люди, и вмѣсто отваги, вмѣсто беззавѣтной любви къ родинѣ, видятъ они во взорѣ далекаго брата грустный, полный тоски и печали вопросъ: за что??? Да и развѣ могутъ радоваться люди, когда вокругъ нихъ все сіяетъ и поетъ, когда воздухъ наполненъ нѣжнымъ ароматомъ цвѣтовъ и благоуханіемъ травъ, а тамъ, тамъ на поляхъ битвы раздаются стоны, тамъ братъ убиваетъ брата и кровь широкой рѣкой льется—разливается по сырой землѣ;

Тамъ льется кровь широкою рѣкою,
Тамъ проклятья и стоны стоятъ,
Надъ печальной родною землею
Стаи вороновъ хищныхъ кружатъ

тамъ забыто все святое, прекрасное и только демонъ зла и насилья властвуетъ на этихъ поляхъ... И не можетъ весна возвратить прежней радости людямъ: не воскресить ей нашихъ погибшихъ братьевъ, не оживитъ ихъ теплый лучъ солнца, не разбудитъ ихъ ласковое журчаніе ручейка, весело и шумно пробирающагося между камнями, не разбудитъ нхъ и чудное пѣніе соловья, не будутъ они любоваться вмѣстѣ съ нами на ожившую природу—ничто не возвратитъ ихъ намъ обратно: они спятъ непробуднымъ вѣчнымъ сномъ... Вотъ отчего такъ тяжело на душѣ у людей, вотъ отчего не радуетъ ихъ золотая весна!... Слышится имъ печальный плачъ дѣтей, бродящихъ безъ крова и пищи по винѣ войны; противна, ничтожна кажется людямъ ихъ прежняя жизнь, хочется помочь несчастнымъ сиротамъ,—облегчить хоть чѣмъ нибудь ихъ горькую участь, и не могутъ они найти отвѣта на мучившій ихъ вопросъ: зачѣмъ борются между собой люди, къ чему эта жестокая, ведущая за собой столько муки и страданій, война братьевъ съ братьями?

Имъ слышатся стоны невинныхъ [дѣтей],
Безъ пріюта, безъ крова бродящихъ...
О, къ чему же война для жестокихъ [людей]:
Не понять имъ всей боли скорбя- [щихъ]!..

Инкогнито.

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ, ЕГО ОБРАЗОВАНІЕ и РАЗРАБОТКА.

Сочиненіе.

Каменный уголь представляетъ изъ себя, на первый взглядъ, черное блестящее и твердое вещество, горящее яркимъ пламенемъ. Каменный уголь составляетъ настоящее сокровище для человѣка. Вы, можетъ, знаете, что, благодаря ему, у насъ освѣщаются улицы, работаютъ локомотивы, мастерскія, движутся паровозы, а также громадныя массы каменнаго угля сжигаются на фабрикахъ и заводахъ, приводя въ движеніе паровыя машины и заставляя работать всю фабрику. Но слыхали ли вы, какъ добывается каменный уголь? Сколько усилій, труда нужно преодолѣть людямъ, прежде чѣмъ добраться до него и вынуть его изъ земли, гдѣ онъ лежитъ на глубинѣ 200 саженъ и болѣе. А сколько усилій, труда и опасностей должны переносить бѣдные углекопы, работающіе цѣлые дни подъ землей въ спертомъ и удушливомъ воздухѣ. Люди, привыкшіе каждый день дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ и никогда неспускавшіеся подъ землю, не могутъ себѣ представить, какіе ужасы и несчастія переживаютъ углекопы. Объ ихъ тяжелой работѣ и объ опастностяхъ, съ которыми она связана, я хочу васъ познакомить, а затѣмъ уже скажу, какъ образовался каменный уголь, и почему онъ такъ глубоко находится въ землѣ. Для добыванія каменнаго угля роются достигающіе громадной глубины колодцы или шахты. Входъ въ шахту большую частью дѣлается четыреугольный; бока шахты, чтобы не обсыпались, обкладываются камнемъ или деревомъ. Отъ дна шахты во всѣ стороны отходятъ галлереи, прорытыя въ пластахъ каменнаго угля, потолки ихъ подперты деревянными балками. Тотъ, кто въ шахту спускается въ первый разъ, испытываетъ ужасъ при видѣ зіяющей глубины бездоннаго и темнаго колодца; но нужда и голодъ преодолеваютъ страхъ, и онъ, скрѣпя сердце, вмѣстѣ съ другими рабочими садится въ большую желѣзную клѣтку или же спускается по скользкой лѣстницѣ, вьющейся по стѣнамъ шахты. Бѣда тому человѣку, который нечаянно оступится, выпуститъ изъ рукъ перекладину или поскользнется, онъ полетитъ въ бездну, и ничто уже не можетъ спасти его, тогда вырываются изъ глубины шахты раздирающіе душу крики, и слышатся удары тѣла о каменныя стѣны шахты, но скоро все смолкаетъ, и налетѣвшій рабочій превратился въ кровавую массу. Желѣзныя клѣтки, спускавшія рабочихъ, стремительно несутся внизъ и только галлереи шахтъ, тускло освѣщенныя шахтовыми лампочками, мелькаютъ предъ глазами. Вы спустились на дно шахты, и предъ вами раскинулся цѣлый подземный городокъ, съ подземными улицами и узкими низкими переулками, потонувшими въ полумракѣ. Но прежде, чѣмъ добраться до мѣста работы, вы должны пройти цѣлый рядъ низкихъ галлерей, по которымъ вагончики, нагруженные углемъ, везутъ лошади или рабочіе. Наконецъ вы приходите на мѣсто, гдѣ добываютъ каменный уголь. Передъ вашими глазами открывается довольно непривлекательная картина; вы видите въ одномъ углу при слабомъ свѣтѣ лампочки, скорчившись на боку, работаетъ забойщикъ, въ другомъ углу, совсѣмъ лежа на спинѣ полураздѣтый работаетъ другой, разбивая киркой твердыя породы угля и работа забойщиковъ дѣлается еще труднѣе тѣмъ, что цѣлый день они проводятъ среди удушливаго и жаркаго воздуха, наполненнаго пылью и копотью отъ лампочекъ и угля. Каждую минуту углекопу грозитъ смерть: такъ, отпавшая глыба угля можетъ раздавить его, взрывъ рудничьяго газа искалѣчить, а пожары въ шахтахъ или наводненія могутъ задушить и утопить. Добытый забойщикомъ уголь увозился катальщиками въ вагонахъ и тачкахъ, затѣмъ уголь поднимаютъ на поверхность земли, гдѣ его разгружаютъ мужчины, и сортируютъ женщины. Всѣ люди въ шахтахъ каждую минуту могутъ погибнуть: вдругъ

обшивка галлерей не выдержитъ тяжести давленія потолковъ, рушится и заживо погребаетъ несчастныхъ углекоповъ. Въ страхѣ толпятся у отверстія шахты семьи несчастныхъ углекоповъ и съ замираніемъ сердца ждутъ своихъ близкихъ, но напрасно, такъ какъ на поверхность земли вытаскивали только обезображенные трупы людей да нѣкоторые обломки вагоновъ и лампъ. Отъ обваловъ можно до нѣкоторой степени оградить себя, если тщательно укрѣплять галлереи и слѣдить за цѣлостью балокъ, поддерживающихъ потолокъ. Гораздо труднѣе бороться съ наводненіями, которыя чаще всего происходятъ отъ накопленія воды въ старыхъ галлереяхъ. Она съ шумомъ грозными потоками врывается въ шахту, затопляетъ галлереи, уноситъ людей, лошадей и ломаетъ и опустошаетъ копи, и рѣдкимъ удается остаться въ живыхъ послѣ такой катастрофы. Но самымъ страшнымъ врагомъ каменно-угольныхъ копей является гремучій газъ, это есть смѣсь свѣтильнаго газа съ воздухомъ. Свѣтильный газъ выдѣляется безпрестанно изъ каменнаго угля. Газъ этотъ очень опасенъ когда онъ смѣшивается съ обыкновеннымъ воздухомъ: тогда достаточно попасть малѣйшей искрѣ, какъ произойдетъ взрывъ; желая избавиться отъ взрывовъ гремучаго газа въ шахтахъ, стали употреблять особо устроенныя лампы Деви. Рудничный газъ приноситъ громадное несчастіе углекопамъ, такъ какъ отъ взрывовъ его никто почти не остается въ живыхъ, и когда его накопляется очень много, то достаточно появиться углекопу съ лампочкой въ той галлереѣ, какъ произойдетъ страшная катастрофа. Взрывъ моментально распространится по всему подземелью, опрокидывая все попадающееся ему на пути, ломаетъ крѣпи и нерѣдко расшатываетъ сооруженія, находящіяся у отверстія шахты. Рабочіе, пораженные внезапнымъ взрывомъ, падаютъ на землю и задыхаются отъ вредныхъ газовъ, получившихся отъ взрыва гремучаго газа. Одинъ ученый взрывъ гремучаго газа сравниваетъ съ явленіями природы и говоритъ: „Представьте и вообразите себѣ ударъ молніи, грома, ураганъ, смерчъ дѣйствующими разомъ, все сожигая, опрокидывая, разрушая на своемъ пути, и однако это ничто въ сравненіи съ опустошеніями, которыя взрывъ рудничьяго газа произведетъ въ копяхъ, а потомъ что сдѣлается съ несчастными углекопами, застигнутыми взрывомъ въ шахтѣ, можетъ дать нѣкоторыя понятія развѣ только выстрѣлъ изъ пушки, заряженной картечью, и произведенный въ упоръ выстрѣлъ по цѣлой ротѣ солдатъ“. Описаніе несчастія въ каменно-угольныхъ копяхъ вслѣдствіе взрыва гремучаго газа одно другого ужаснѣе, но среди этихъ ужасовъ есть одна черта, благодаря которой отрадное, хорошее чувство примѣшивается къ произведенному ими тяжелому впечатлѣнію. Черта эта — самоотверженіе, высказываемое углекопами въ минуты страшнаго несчастія, постигающаго ихъ товарищей. Какъ бы слаба ни была надежда на спасеніе кого-нибудь, всегда среди углекоповъ находятся люди готовые броситься на мѣсто катастрофы, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ для собственной жизни и здоровья, и такъ иногда послѣ цѣлаго ряда такихъ геройскихъ поступковъ удается, наконецъ, спасти кого нибудь изъ несчастныхъ, застигнутыхъ взрывомъ внутри копей. Среди углекоповъ находились люди, которые стараясь для блага своихъ товарищей, соглашались зажигать каждую ночь рудничный газъ, накопившійся въ теченіи дня, они производятъ небольшой взрывъ и, благодаря этому воздухъ въ галлереяхъ очищался. Человѣкъ, взявшій на себя эту обязанность, спускается въ подземелье закутаннымъ въ шерстяной или кожаный плащъ, съ маской на лицѣ. Онъ ползкомъ пробирается по галлереямъ подземелья, гдѣ нѣтъ, кромѣ него, ни одной живой души, держа въ рукахъ длинную палку, съ прикрѣпленной къ концу ея заженной свѣчей. Съ большой осторожностью онъ поджигаетъ рудничный газъ, и всякая малѣйшая оплошность можетъ обратить эти мѣры предосторожности въ ничто, и не разъ случалось, что спустившійся въ подземелье, оставался на мѣстѣ, убитый газомъ, съ которымъ онъ вступилъ въ опасную борьбу. Такъ живутъ углекопы. „Нужда загоняетъ ихъ на эту добровольную ка-

торгу; а каменный уголь добытый часто цѣною человѣческихъ жертвъ, служитъ для блага и удовольствія менѣе обездоленнаго человѣка". И не одинъ еще разъ вы будете наслаждаться благами, которыя даетъ каменный уголь, вспомните же тогда о несчастныхъ рабочихъ, которые среди грязи, нищеты нерѣдко отдаютъ жизнь, для того, чтобы достать кусокъ каменнаго угля, который освѣтитъ и согрѣетъ васъ.

Продолженіе слѣдуетъ. Т. В.

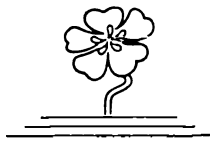
ТЯЖЕЛО.

Тяжело, когда сердце рыдаетъ,
И катится слеза изъ очей;
Когда дума едва лишь мерцаетъ,
Какъ лампада при блескѣ свѣчей.

Тяжело, когда хочешь привѣта,
Жаждешь ласки, душевныхъ рѣчей,
А встрѣчаешь лишь сухость отвѣта
И измѣну отъ прежнихъ друзей.

Тяжело, когда мучатъ сомнѣнья,
И не видишь отвѣта на нихъ;
Тяжело, когда знаешь волненье
Сказокъ, думъ и мечтаній пустыхъ.

De-Mon.



ПИСЬМО.

Прощай, моя дорогая!

Прощай навсегда. Я рѣшилась на самое страшное—на смерть. Страшное по тому, что ухожу туда, откуда нѣтъ возврата. Но пойми, милая, я *не могу* больше жить... Я еще молода, очень молода, но жить не въ силахъ... *Не могу!...*

Ты никогда, можетъ, быть не поймешь, какая огромная сила въ этомъ словѣ, объяснить которой я не могу.

Я стою уже на краю могилы и еще, въ послѣдній разъ дѣлаю безумныя попытки заглянуть въ эту черную бездну неизвѣстности. Напрасно. Ничего не узнаешь. Смерть—тайна, и не намъ суждено ее обнаружить.

А жизнь? развѣ это не тайна? не загадка?! Жизнь! жизнь!

Какъ много въ этомъ мучительно—загадочнаго, заманчиво—страшнаго! Съ ка-

кими жизнерадостными, съ какими ровными мечтами вступаемъ мы въ жизнь! И, Боже, какъ жестоко, какъ уродливо нерѣдко врывается дѣйствительность въ этотъ радужный міръ! Какъ безжалостно ломаетъ она молодыя, неокрѣпшія крылья, указывая на безплодность сказанныхъ надеждъ!

Да и какъ жить? Въ чемъ смыслъ жизни?

Невольно приходятъ на память слова поэта:

„Надо жить! Вотъ они роковыя слова!
Вотъ она роковая задача!
Кто надъ ней не трудился, тоскуя [и плача],
Чья надъ ней не ломилась отъ думъ [голова]“?

Зачѣмъ я живу сейчасъ? Къ чему?

Сколько горя сейчасъ кругомъ, сколько страданій—и чувствовать, что ты не сдѣлала ничего, чтобы осушить слезы чьи-нибудь, и не сдѣлаешь этого—нѣтъ, это выше моихъ силъ! Это чувство своего ничтожества, ненужности слишкомъ остро, чтобы можно было жить!

А я ничего не могу сдѣлать, или, вѣрнѣе, не могу сдѣлать *одна*. Если бы у меня былъ другъ, который бы понималъ меня, съ которымъ бы я могла идти рука объ руку, тогда, можетъ быть, я не чувствовала бы себя лишней. Можетъ быть исчезла бы эта безумная тоска, доходящая до отчаянія, которая страшно давитъ меня.

Тоска, тоска безысходная!

Куда уйти? О, пощади же хоть на время!

Дай отдохнуть отъ этихъ невыносимыхъ мукъ! Куда итти?! Къ кому обратиться?

Къ людямъ? Люди. Какіе это жестокіе эгоисты! Какъ часто они остаются равнодушными передъ мольбой и протягиваютъ руку помощи, когда уже бываетъ поздно.

О, какъ много несправедливостей въ жизни!!.

Въ головѣ у меня сейчасъ какой-то хаосъ, разграничить который я не въ состояніи.

Я точно слѣпая сейчасъ! Кто же выведетъ къ свѣту?! Кто отвѣтитъ на мучительный вопросъ: „что дѣлать“?! Гдѣ же то свѣтлое, что я ищу?!.

Нѣтъ никогда, видно, мнѣ не вырваться къ свѣту!! Тогда лучше умереть, чѣмъ влачить это жалкое прозябаніе...

Смерть—какое это счастье!

Прощай еще разъ, дорогая!

Вспоминай иногда меня, избравшую можетъ быть лучшій удѣлъ.

Твоя В.

Примѣчаніе. Не соглашаясь съ пессимистическимъ настроеніемъ автора, редакція находитъ возможнымъ помѣстить „Письмо“, ожидая, что оно не останется безъ критической оцѣнки со стороны читательницъ журнала.

Сестра милосердія.

Какъ свѣтелъ твой образъ, какъ чистъ и прекрасенъ!
Ты вся отдалась для другихъ;
Громъ пушекъ, свистъ ядеръ и смѣлымъ ужасенъ—
Ты жъ думать не хочешь о нихъ.
Себя ты забыла; туда лишь стремишься,
Гдѣ слышатся вопли и стонъ,
Гдѣ кровь человѣка ручьями струится,
Гдѣ смерти въ лицо смотритъ онъ.
Ты ангелъ во плоти: какъ ты терпѣливо
Всѣ сносишь капризы больныхъ,
Ты лаской своей ободряешь унылыхъ,
Ты будишь надежды у нихъ.

Г...

Полночь...

Вдругъ рѣзкій крикъ: „Въ атаку, братцы, въ атаку“ прорѣзаетъ жуткую тишину палаты.

На одной изъ коекъ поднимается больной, поводя безсмысленно глазами и протягивая руки. Изъ дежурной комнаты быстро неслышными шагами къ больному подходитъ сестра; она тихо и ласково уговариваетъ лечь больного, и тотъ затихаетъ подъ ея лаской. Сестра задумывается у изголовья. Въ ея кроткихъ глазахъ, устремленныхъ на больного, свѣтится тихая грусть.

Сколько страданій и смертей встрѣтила она въ этомъ лазаретѣ, и сколько ихъ будетъ въ переди...

Ея чуткая, нѣжная душа открыта для всѣхъ чужихъ страданій.

Іюльское утро.

Въ палату входитъ старшій врачъ и взволнованнымъ голосомъ, обращается къ группѣ сестеръ, прося одну изъ нихъ тотчасъ же пойти въ сосѣдній лазаретъ, расположенный въ полверстѣ, на смѣну двумъ заболѣвшимъ сестрамъ. Сестры въ нерѣшительности: вѣдь то заразный лазаретъ, да и жутко идти черезъ степь, но вошедшая Маша (такъ звали сестру), слыша просьбу доктора безъ колебанія предлагаетъ свои услуги, и докторъ съ благодарностью жметъ ей руку.

Солнечные лучи, весело, переливаются въ мокрой отъ росы травѣ; птички

задорно щебечутъ, и Машѣ даже не вѣрится, что здѣсь ежедневно тысячи душъ покидаютъ тѣла. Она остановилась и нѣжнымъ, грустнымъ взглядомъ бродитъ по окрестности.

Но что это?

Маша машинально хватается за грудь: что-то острое, жгучее ударило ее. При видѣ алой струйки крови, сочившейся черезъ пальцы, на ея побѣлѣвшихъ губахъ появилась и исчезла растерянная улыбка.

Медленно, какъ снопъ, склоняется она къ землѣ... Солнце свѣтитъ еще ярче, птички щебечутъ дружнѣй, а въ открытыхъ глазахъ Маши застылъ вопросъ.

В. А.

Рождественскій сонъ.

„Ну, мамочка, когда же ты покажешь мнѣ елку?“ спросилъ маленькій Шурикъ, карабкаясь на колѣни своей матери Евгеніи Александровны Бенедиктовой.

„А красивая елка будетъ у меня мамуся?“ снова началъ тараторить мальчуганъ. „Въ прошломъ году, я помню, Лялечкѣ досталось ружье, а она помѣнялась на куклу, а я, мамочка терпѣть не могу куколъ, ими только дѣвченки занимаются, я хочу настоящій поѣздъ, красивый, большой, большой съ колесиками, съ рельсами, со звонками“... „Ну будетъ болтать, Шурикъ, тебѣ давно пора спать, уже десятый часъ, дѣдушка будетъ сердиться, и папа не похвалитъ. Пойдемъ голубчикъ, я тебя сама уложу“, произнесла, вставая съ кресла, Евгенія Александровна и, взявъ за руку сынишку, повела его въ дѣтскую. „Мамуся а ты позволишь мнѣ посмотрѣть завтра елку?“ „Нѣтъ, дружокъ, ты ее увидишь послѣ завтра вмѣстѣ съ другими дѣтьми“, сказала Евгенія Александровна аккуратно складывая бѣлье Шурика на низенькій стульчикъ около его кроватки. „Я хочу завтра ее увидѣть, сегодня хочу, уведи меня къ елкѣ, сейчасъ же, я“! На синихъ глазенкахъ маленькаго Шурика выступаютъ слезы. „Ну, ну нельзя капризничать, я сейчасъ позову няню,“ говоритъ Евгенія Александровна. „Няня, няня, гдѣ же вы? идите къ Шурику, ну а ты спи съ Богомъ.“ И Евгенія Александровна, наклонившись къ сыну, цѣлуетъ его въ лобикъ. „Спи спокойно“ повторяетъ она еще разъ и тихо выходитъ изъ комнаты. Шурику хочется сейчасъ-же видѣть елку избалованный маленькій мальчикъ не привыкъ ждать, онъ пробуетъ подняться, съ постели, но снова обратно опускается на подушку, и надъ его кудрявой головкой проносятся тихіе, спокойные сны. Шурику снится, какъ онъ гоститъ у бабушки и тетушки въ Москвѣ, какъ его, маленькаго лакомку, закармливаютъ до отвала сластями, какъ вывозятъ кататься на хорошенькой маленькой лошадкѣ, гдѣ онъ самъ правитъ, какъ веселая хохотушка, тетя Вѣрочка, нашоптываетъ ему, что такому херувимчику все можно позволить, какъ мама почему—то сердится на нее за это, и онъ самъ, маленькій Шура, начинаетъ крѣпче прежняго держать въ рукахъ возжи и еще тѣснѣе прижимается къ своей молоденькой тетѣ. Счастливые сны! Маленькія губки невинно улыбаются. Вдругъ кудрявая головка начинаетъ безпокойно двигаться, улыбка исчезаетъ съ губъ Шурика и онъ тревожно приподнимается. За дверью слышенъ чей—то серебристый смѣхъ. Любопытному

Шурику хочется узнать что тамъ такое и онъ осторожно крадется къ двери, тихонько отворяетъ ее и смущенно останавливается. Въ комнатѣ никого нѣтъ: она совершенно пуста. А догадался! этотъ смѣхъ изъ гостинной, гдѣ стоитъ елка. Шурикъ быстро семенитъ своими маленькими ножками по полу, и вотъ онъ уже у завѣтной двери, у двери гостинной. Онъ храбро распахиваетъ портьеры и вбѣгаетъ въ гостинную. „Ахъ!“ срывается съ его губъ. Посрединѣ зала стоитъ елка, вся она такъ и горитъ, такъ и сіяетъ, переливается тысячью огнями. Но какіе же странные на ней подарки? На самомъ верху виситъ огромная тыква, рядомъ съ ней свѣжіе огурцы, (которые такъ не любитъ Шурикъ), моркови необычайной величины и цвѣтовъ, вонъ тамъ какая-то пестрая морковка подмигиваетъ своимъ крошечнымъ розовенькимъ глазкомъ Шурику, какъ—бы говоря: „съѣшь меня милый Шурикъ, скушай меня, дорогой мой, я вѣдь очень вкусная!“ Шурикъ какъ будто угадываетъ злорадную мысль морковки и въ отчаяніи вскрикиваетъ: „Ахъ, и все, что только я не люблю, что мнѣ не нравится, все здѣсь навѣшено! Ахъ, зачѣмъ я не послушался мамы и пришелъ сюда!“ Шурикъ уже подноситъ свой маленькій кулачекъ къ глазамъ. „Не плачь, Шурикъ“, доносится до него чей-то знакомый голосъ, и снова слышится мелодичный смѣхъ. Онъ бѣжитъ туда и видитъ свою тетю Вѣрочку, но такую хорошенькую съ бѣлыми крылышками, что невольно останавливается и глядитъ на нее долгимъ восхищеннымъ взглядомъ. Но веселая тетечка съ прежнимъ смѣхомъ несется отъ Шурика въ другой конецъ зала, а Шурикъ за ней, долго они такъ бѣгаютъ другъ за другомъ по залѣ, и Шурикъ усталъ, какъ вдругъ онъ замѣчаетъ, что на елкѣ висятъ великолѣпныя грозьдя его любимаго чернаго винограда, яблоки, апельсины, но и отвратительная тыква тутъ-же виситъ по-прежнему, да еще пренасмѣшливо улыбается. Шурикъ хочетъ взять вѣточку винограда, но видитъ что вѣточка поднимается все выша и выше и, неконецъ, мерзкая тыква схватила ее и кушаетъ. Съѣла и съ высоты улыбается самой любезной улыбкой Шурику, а онъ, смущенный, сконфуженный протягиваетъ руку къ яблоку, но и яблоко улетѣло въ пасть ненасытной тыквѣ. „Спасибо, малышъ“, слышитъ онъ ея голосъ, похожій на кваканіе лягушки. Сердце маленькаго Шурика пылаетъ гнѣвомъ, онъ яростно сжимаетъ свои маленькіе кулачки и грозитъ ими тыквѣ, какъ вдругъ чувствуетъ, что его кто-то подымаетъ все выше и выше, и уже большіе безцвѣтные глаза тыквы смотрятъ отъ него близко, близко. „Я тебя съѣмъ, съѣмъ, съѣмъ, мальчуганъ, впередъ слушайся своей мамы, да не ходи, куда не слѣдуетъ. Съѣмъ, съѣмъ, съѣмъ“, припѣваетъ ненавистная тыква, и тутъ только Шурикъ замѣчаетъ, что на головѣ тыквы огромная лысина, а по бокамъ маленькіе волоски, точь въ точь, какъ у страшнаго дѣдушки Букана, которымъ пугаетъ его няня. „Ахъ не ѣшь, не ѣшь!“ отчаянно кричитъ Шурикъ, но тыква ужасно скалитъ зубы и начинаетъ хохотать. „Ну, хорошо, я тебя спущу“, говоритъ она, и Шурикъ снова стоитъ около своей ужасной елки, не сводя испуганнаго взгляда съ дверей, за которыми слышатся грохотъ свистъ и какія-то крики. Дверь распахивается и въ гостиную быстро въѣзжаетъ поѣздъ. Онъ подходитъ все ближе и ближе къ Шурику, ужасные Буканы высобываются изъ оконъ, грозятъ ему, улыааются, разговариваютъ между собой, а поѣздъ все идетъ, все подходитъ все ближе и ближе. Шурикъ бѣжитъ отъ него, но не знаетъ, какъ спастись, ужасныя колеса уже достигаютъ бѣднаго несчастнаго мальчика, по лицу котораго катятся крупныя слезы. Вдругъ онъ слышитъ надъ собой голосъ няни: „Шуринька, да проснись, голубчикъ, ишь весь въ жару, такъ и мечется“. „Няня, нянечка, поѣздъ-то, поѣздъ-то, няня, прогони ихъ отъ меня!“ Громко кричитъ Шурикъ. „Да что съ тобой, батюшка. Спалъ вѣдь ты, а теперь еще рано, солнышко недавно выглянуло, спи-ка еще съ Богомъ“. „Нянечка а тыква и все, все... развѣ сонъ былъ?“ „Какой тебѣ тамъ сонъ, какая тыква, спи пострѣленокъ“; ворчливо говоритъ

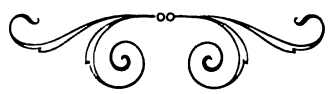
няня и идетъ къ своей постели. А Шурикъ, счастливо улыбнувшись, облегченно опускаетъ свою головку на подушку и, сощуривъ свои синіе глазенки, лѣниво гороитъ: „Сонъ“. А затѣмъ, повернувшись къ стѣнкѣ, засыпаетъ спокойнымъ, тихимъ сномъ и снова видитъ милыя, дорогія лица бабушки, дѣдушки, мамы, няни и веселой молоденькой тети—Вѣрочки.

Карандашикъ.

Монахиня.

Жгучій полдень... Въ открытое кельи окно
Ароматъ льется нѣжный сирени...
Тихо здѣсь, не доносится шумъ суеты
Въ эти бѣлыя, крѣпкія стѣны...
Словно легкій, волшебный, летящій цвѣтокъ,
Разноцвѣтнымъ нарядомъ блистая,
На минуту въ окно залетѣлъ мотылекъ
И исчезъ, въ блескѣ дня утопая...
Улетѣлъ онъ туда же, откуда влетѣлъ,
Чрезъ высокія стѣны воздушно,
И его проводилъ лишь задумчивый взглядъ,
Взглядъ монахини долгій и грустный...
Да, откуда явился воздушный тотъ гость,
И куда улетѣлъ легкокрылый,
Тамъ жила и она и оттуда пришла
Въ этотъ міръ манастырскій унылый...
Тамъ жизнь ярко кипитъ, черезчуръ ужъ кипитъ,—
Здѣсь—торжественно все и угрюмо.
Но и ты, монастырь, не заставишь молчать
Сердце полное прежнею думой...
Она скрылась въ него отъ мірской суеты,
Жизни, чувства гдѣ слишкомъ бушуютъ,
Но попрежнему страстныя думы, мечты
Жгутъ головку ея и волнуютъ...
Нѣтъ покоя и здѣсь! среди каменныхъ стѣнъ
И подъ звонъ колокольный унылый,
Сердце бьется, какъ прежде, тѣ жъ думы томятъ,
Предъ глазами все образъ тотъ милый...

Ольга.



Физико-математическій кружокъ.

Въ субботу 29-го августа состоялось первое собраніе физико-математическаго кружка. Посѣтило его 67 человѣкъ. Первымъ былъ выслушанъ отчетъ стараго товарища предсѣдателя, Тибо-Бриньоль, о дѣятельности кружка за прошлый 1914—15 учебный годъ.

Рѣчь бывшаго товарища предсѣдателя.

Какъ хорошо, господа, что нашъ физико-математическій кружокъ не прекратилъ существованія и въ нынѣшнемъ году снова возобновилъ свои собранія. Это доказываетъ, что наши прошлогоднія работы не прошли для насъ безслѣдно, а оставили пріятное воспоминаніе о полезно—проведенномъ времени

Правъ иниціаторъ нашего кружка, когда при возникновеніи его говорилъ: „Легко идти по ровной, широкой дорогѣ, но скучно! Извилистая, окольная дорожка невольно манитъ васъ въ свою загадочную даль... и вы устремляетесь туда и тамъ забываете однообразіе большой дороги, и почерпаете массу новыхъ впечатлѣній, и снова выходите на ровную дорогу, но теперь вамъ пріятно итти по ней, потому что вы обновились, и пріятно вамъ также сознаніе, что вернулись на прежнюю ровную дорогу, которая ведетъ васъ къ намѣченной цѣли“.

Такъ и мы, занимаясь обычными гимназическими уроками—идемъ по широкой дорогѣ... Но самостоятельныя занятія внѣ обязательнаго курса, вносятъ оживленіе въ дѣло нашаго обученія; они разнообразятъ его.

Многимъ изъ васъ приходилось, навѣрно слышать о томъ, что математическія науки сухи, что онѣ притягиваютъ насъ къ землѣ, но если хорошенько разобраться, то вы увидите, что эти сухія математическія формулы, на самомъ дѣлѣ развиваютъ въ насъ воображеніе и уносятъ насъ въ тѣ далекіе міры, которые то яркими звѣздами горятъ на темномъ фонѣ ночного неба то въ видѣ мельчайшихъ точекъ, откуда-то изъ бездонной глубины льютъ или мерцающій или ровный свѣтъ на очарованную землю... и нѣтъ силъ оторваться отъ нихъ, такъ прекрасны онѣ.

Но не однѣ звѣзды могутъ возбудить въ насъ подобное чувство; мудрые законы природы и необыкновенная гармонія всего мірозданія тоже возвышаютъ нашу душу и заставляютъ забывать пошлости и мелочи жизни.

Въ нашихъ прошлогоднихъ докладахъ мы почерпнули не мало интересныхъ для насъ свѣденій. Возьмемъ хотя бы космографію: мы познакомились съ устройствомъ нашей солнечной системы и, въ частности, съ нѣкоторыми планетами этой системы. Былъ докладъ о землѣ и ея спутникѣ. Было дано понятіе о кометахъ и, наконецъ, были прочитаны рефераты о такихъ явленіяхъ природы, какъ затменіе луны и сѣверное сіяніе. Укажу на то, что почти всѣ они были прочитаны нашими кончившими подругами, которыя уже не будутъ участвовать въ нашихъ собраніяхъ, а поэтому совѣтую тѣмъ, кто интересуется этими вопросами, послѣдовать примѣру своихъ предшественницъ и поработать въ этомъ направленіи.

Не меньшее количество докладовъ было сдѣлано въ области математики, скажу точнѣе, было прочитано 10 докладовъ, нѣкоторые изъ изъ которыхъ представляли софизмы, какъ напримѣръ „Изъ одной точки на прямую можно опустить два перпендикуляра“. „Часть равняется цѣлому“. „Равенство всякихъ чиселъ“. Но слушательницы почему-то очень нерѣшительно опровергали софизмы, что объясняется можетъ быть непривычкой къ подобнаго рода собраніямъ и тѣмъ, что ученицы стѣснялись смѣло высказывать свои мнѣнія. Надѣюсь, эта робость пройдетъ, и, такъ какъ теперь мы уже освоились съ окружающей обстановкой, собранія будутъ оживленнѣе и активнѣе.

Кромѣ софизмовъ въ области математики были даны двѣ задачи и прочтены слѣдующіе доклады: „Выводъ алгебраическихъ формулъ $(a\pm b)^2$; $(a\pm b)^3$ по средствомъ геометріи“, съ демонстрированіемъ моделей, „о древнихъ счисленіяхъ“. Докладъ „Объ очень большихъ и очень малыхъ числахъ“. „О лучшихъ счетчикахъ и о нѣкоторыхъ пріемахъ быстраго счисленія“. „О симметріи и ея проявленіяхъ въ природѣ“, и, наконецъ „о постепенномъ развитіи алгебры“.

Темы очень интересныя и ничуть не сухія, хотя и изъ области математики.

Я думаю и нынче будетъ столько же любительницъ математичекъ, которыя не откажутся поработать надъ вопросами касающимися интересующаго ихъ предмета.

Теперь остается сказать что было сдѣлано въ области физики и географіи.

Къ докладамъ чисто физическимъ относится докладъ „о катушкѣ Румкорфа“ который былъ обставленъ нѣкоторыми опытами какъ, напримѣръ; свѣченіе чейслеровыхъ трубокъ при прохожденіи электрическаго тока, воспламененіе эфира отъ дѣйствія тепловыхъ силъ, выдѣляющихся при электрическомъ токѣ и другими. По физикѣ также были причтены 2 доклада о кинематографѣ. Первый познакомилъ насъ съ устройствомъ самаго аппарата, изложилъ взгляды на значеніе кинематографа въ настоящую минуту и на его будущую судьбу, а второй указалъ на способы съемки и демонстрированія картинъ чудеснаго содержанія, въ которыхъ сверхъестественныя продѣлки героевъ были, можетъ быть, темой разсужденій и удивленій зрительницъ кинематографа. Два доклада по химіи можно отнести также къ работамъ по физикѣ, т. к. химія составляетъ часть вообще физическихъ наукъ.

Одна изъ докладчицъ прочла о возникновеніи химіи, и обѣ онѣ познакомили слушательницъ съ первоначальными понятіями въ области этой науки. Вотъ и все по физикѣ.

Остается одинъ докладъ по географіи на тему „Крайній Сѣверо-Востокъ“, прочитанный на послѣднемъ прошлогоднемъ собраніи.

Докладчица, видимо, любитъ этотъ предметъ т. к. очень живо прочла свой рефератъ сопровождая его демонстраціей картинъ волшебнаго фонаря.

Вообще, надо отмѣтить въ ученицахъ интересъ къ дѣлу и сознательное отношеніе къ своимъ работамъ. Но пріятно и то явленіе, что преподаватели не отнеслись безучастно къ этому начинанію и не только давали темы для работъ и помогали въ нихъ разбираться учащимся, но также сами присутствовали на этихъ собраніяхъ. Нельзя не сказать спасибо тому кто поддерживаетъ насъ въ этомъ дѣлѣ, а въ частности организатору нашего кружка Георгію Трофимовичу Пушкареву.

Такое отношеніе, въ свою очередь и насъ, ученицъ, заставляетъ лишь сходиться со своими руководителями; оно поддерживаетъ единство, вѣру въ будущее и вызываетъ желаніе саморазвитія. Вѣдь, знаніе, господа, нужно намъ не только для достиженія практическихъ цѣлей въ своемъ позднейшемъ: развитіи оно является само по себѣ источникомъ наслажденія.

Нашъ кружекъ состоитъ изъ шестиклассницъ, семиклассницъ и восмиклассницъ, но забудемъ это и создадимъ нѣчто цѣлое, и, когда между нами не будетъ дѣленія на классы, работа будетъ интереснѣй и продуктивнѣй.

Не знаю, какъ вы, но я, приходя съ собраній чувствую себя удовлетворенной, отсюда и все окружающее кажется свѣтлѣе и лучше. Можно объяснить это настроеніе вліяніемъ субботы, которую любятъ всѣ учащіеся, но, я думаю, преимущественно вліяніемъ собраній.

Итакъ, господа, пожелаю вамъ и впредь такъ же собираться и работать, чтобы впослѣдствіи можно было сказать: мы хорошо провели нашу юность!

Затѣмъ бывшій товарищъ предсѣдателя предложилъ выбрать изъ присутствующихъ составъ президіума. Единогласно была выбрана предсѣдателемъ кружка Тибо-Бриніоль (бывш. товарищъ предсѣд.). Закрытой болатировкой по большинству голосовъ были выбраны: товарищемъ предсѣдателя Удилова, а секретарями—Пушкарева и Е. Бахмутова. Послѣ выбора былъ прочитанъ Е. Бахмутовой докладъ: „Означеніи физическихъ и математическихъ наукъ". Главное вниманіе докладчица обратила на значеніе физики въ матеріальномъ отношеніи, указавъ на то, что изслѣдованія энергіи природы какъ бы увеличиваютъ численность населенія на земномъ шарѣ съ 2-хъ милліардовъ до 250-ти. Указывая на значеніе математики, Бахмутова отдаетъ ей предпочтеніе предъ физикой, имѣя въ виду ея обобщенія.

ХРОНИКА.

Въ I-ой женск. гимназіи. Занятія возобновились 18-го августа; молебенъ предъ началомъ ученія былъ 17-го.

Въ нынѣшнемъ учебномъ году открытъ младшій приготовительный классъ куда принимаются дѣвочки семи лѣтъ, совсѣмъ неграмотныя.

Во время лѣтнихъ каникулъ выбыли слѣдующія ученицы гимназіи: скончались уч. VII-го кл. С. Кононова уч. VI-го кл. Л. Королева и уч. III-го кл. Лихачева,

27-го августа покончила жизнь самоубійствомъ бывшая гимназистка А. Скорынина.

Временно уроки географіи семи классовъ переданы преподавательницѣ—бѣженкѣ В. И. Яковлевой.

26-го сентября ученицей VIII-го класса Михайловой былъ прочитанъ рефератъ по исторіи.

Съ 25-го числа начался сборъ учебниковъ въ пользу военноплѣнныхъ.

Во II-ой женск. гимн. Назначены новые преподаватели Е. Л. Гресъ Коровина (математика) и Ив. Кир. Слюсаревъ (рисованіе).

Въ мужской гимназіи. Воспитанникъ гимназіи А. Александровъ, переведенный въ VI-ой классъ, поѣхалъ лѣтомъ въ Брестъ-Литовскъ, откуда до сихъ поръ не вернулся. Во время эвакуаціи города онъ исчезъ и, несмотря на всѣ старанія, гимназія ничего не могла узнать о немъ. Есть предположеніе, что онъ не попалъ въ поѣздъ и былъ захваченъ нѣмцами въ плѣнъ. Того же мнѣнія придерживаются и его родные.

Во время каникулъ ученикомъ III-го кл. И. Пермяковымъ была исполнена каникулярная работа: онъ вырѣзалъ изъ дерева фигуры египетскаго жреца, сфинкса и удачно нарисовалъ греческую одежду. Нерѣдко и въ продолженіе учебнаго времени даются ему подобныя порученія, выполняемыя имъ съ большой художественностью.

Ученикомъ того же класса С. Режеппъ были доставлены въ гимназію остатки древнихъ сосудовъ, найденные имъ на берегу Исетскаго озера.

Въ реальномъ училищѣ. Сюда назначены 2 новыхъ преподавателя: г. Бронштейнъ (математика) и г. Подосеновъ (географія и естественная исторія).

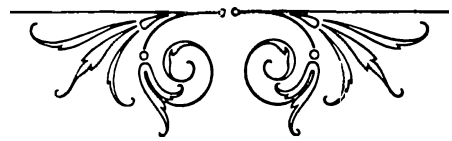
13-го сентября с. г. ученики училища принимали участіе въ экскурсіи на гору „Волчиха", совмѣстно съ воспитанниками нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній,

Въ Уральскомъ училищѣ. Занятія начались 1-го сентября, но урегулировались только къ 17-му т. к. нѣкоторые преподаватели запоздали; преподаватель химіи съ 15-го сентября былъ присяжнымъ засѣдателемъ.

Въ I-мъ и II-мъ классахъ лекціонная система преподаванія замѣнена урочной въ III-мъ и IV-мъ классахъ оставлена. Репетиціи будутъ сдаваться въ концѣ октября и началѣ ноября.

Съ 1915-го г. У. Г. Училище спеціализировано на Горный отдѣлъ и заводскій (ранѣе существовалъ одинъ общій отдѣлъ—Горнозаводскій). Съ раздѣленіемъ училища на отдѣлы воспитанникамъ III-го и IV-го курсовъ было предложено подѣлиться по спеціальностямъ (по собственному ихъ усмотрѣнію) 18 чел. III-го курса пошли по заводской спеціальности и 30 чел. по горной; IV-ый курсъ подѣлился половина на половину.

Въ семинаріи. Съ благословенія епископа Серафима учащимися всѣхъ классовъ организованъ литературный кружокъ, имѣющій цѣлью развитіе членовъ.



Отвѣтственный Редакторъ Издатель В. А. Бѣляева.

Екатеринбургъ, тип. „Художественная Печать“.